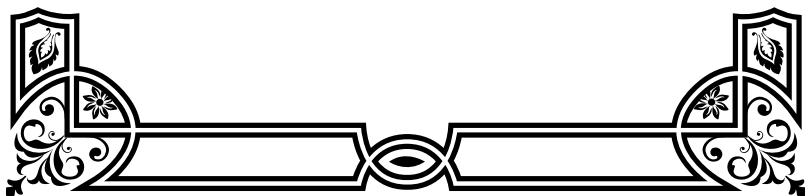

Джеймс
ДЖОЙС

Джеймс
ДЖОЙС

Улисс
В ОДНОМ ТОМЕ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
Д42

Серия «Все в одном томе»

James Joyce
ULYSSES

Перевод с английского *В. Хинкиса* и *С. Хоружего*
Комментарий *С. Хоружего*
Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Джойс, Джеймс.
Д42 Улисс : [роман] / Джеймс Джойс ; пер. с англ. В. Хинкиса и С. Хоружего. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 1056 с. — (Все в одном томе).

ISBN 978-5-17-111343-8

Роман «Улисс» (1922) — не только главный труд Джеймса Джойса (1882–1941), классика ирландской и мировой литературы.

Это также главная веха в современном искусстве прозы, роман, определивший пути этого искусства и не раз признанный первым и лучшим за всю историю романного жанра.

Сюжет книги предельно прост: это один день из жизни дублинского обывателя. Но в нехитрую оболочку вмещен весь космос литературы — виртуозный язык, фейерверк стилей и техник письма, исторические и мифологические аллюзии, авторская ирония — и вырастающий новый взгляд на искусство, человека и мир.

В настоящее издание включены наиболее полные комментарии к роману, составленные С. Хоружим.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-17-111343-8

© Перевод, комментарий. С. Хоружий, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

I

1

Сановитый, жирный Бык Маллиган возник из лестничного проема, неся в руках чашку с пеной, на которой накрест лежали зеркальце и бритва. Желтый халат его, враспояску, слегка вздымался за ним на мягком утреннем ветерке. Он поднял чашку перед собою и возгласил:

— Introibo ad altare Dei¹.

Остановясь, он взгляделся вниз, в сумрак винтовой лестницы, и грубо крикнул:

— Выходи, Клинк! Выходи, иезуит несчастный!

Торжественно он проследовал вперед и взошел на круглую орудейную площадку. Обернувшись по сторонам, он с важностью троекратно благословил башню, окрестный берег и пробуждающиеся горы. Потом, увидев Стивена Дедала, наклонился к нему и начал быстро крестить воздух, булькая горлом и подергивая головой. Стивен Дедал, недовольный и заспанный, облокотясь на последнюю ступеньку, холодно смотрел на дергающееся булькающее лицо, что благословляло его, длинное как у лошади, и на бестонзурную шевелюру, белесую, словно окрашенную под светлый дуб.

Бык Маллиган заглянул под зеркальце и тут же опять прикрыл чашку.

— По казармам! — скомандовал он сурово.

И пастырским голосом продолжал:

— Ибо сие, о возлюбленные мои, есть истинная Христина, тело и кровь, печенки и селезенки. Музыка медленней, пожалуйста. Господа, закройте глаза. Минуту. Маленькая заминка, знаете, с белыми шариками. Всем помолчать.

---

¹ И подойду к жертвеннику Божию (лат). — Здесь и далее примеч. пер.

Он устремил взгляд искоса вверх, издал долгий, протяжный призывный свист и замер, напряженно прислушиваясь. Белые ровные зубы кой-где поблескивали золотыми крупинками. Златоуст. Резкий ответный свист дважды прозвучал в тишине.

— Спасибо, старина, — живо откликнулся он. — Так будет чудненько. Можешь выключать ток!

Он соскочил с площадки и с важностью поглядел на своего зрителя, собирая у ног складки просторного халата. Жирное затененное лицо и тяжелый овальный подбородок напоминали средневекового прелата, покровителя искусств. Довольная улыбка оказалась у него на губах.

— Смех да и только, — сказал он весело. — Это нелепое твое имя, как у древнего грека.

Ткнув пальцем с дружелюбной насмешкой, он отошел к парапету, посмеиваясь. Стивен Дедал, поднявшись до конца лестницы, устало побрел за ним, но, не дойдя, уселся на край площадки и принялся наблюдать, как тот, пристроив на парапете зеркальце и обмакнув в пену помазок, намазывает шею и щеки.

Веселый голос Быка Маллигана не умолкал:

— У меня тоже нелепое — Мэйлахи Маллиган, два дактиля. Но тут звучит что-то эллинское, правда ведь? Что-то солнечное и резвое, как сам бычок. Мы непременно должны поехать в Афины. Поедешь, если я раздобуду у тетушки двадцать фунтов?

Он положил помазок и в полном восторге воскликнул:

— Это он-то поедет? Изнуренный иезуит.

Оборвал себя и начал тщательно бриться.

— Послушай, Маллиган, — промолвил Стивен негромко.

— Да, моя радость?

— Долго еще Хейнс будет жить в башне?

Бык Маллиган явил над правым плечом свежевыбритую щеку.

— Кошмарная личность, а? — сказал он от души. — Этакий толстокожий сакс. Он считает, что ты не джентльмен. Эти мне гнусные англичане! Их так и пучит от денег и от запоров. Он, видите ли, из Оксфорда. А знаешь, Дедал, вот у тебя-то настоящий оксфордский стиль. Он все никак тебя не раскусит. Нет, лучшее тебе имя придумал я: Клинк, острый клинок.

Он выбривал с усердием подбородок.

— Всю ночь бредил про какую-то черную пантеру, — проговорил Стивен. — Где у него ружье?

— Совсем малый спятил, — сказал Маллиган. — А ты перетрусил не на шутку?

— Еще бы, — произнес Стивен с энергией и нарастающим страхом. — В крошечном мраке, с каким-то незнакомцем, который стонет и бредит, что надо застрелить пантеру. Ты спасал тонущих. Но я, знаешь ли, не герой. Если он тут останется, я уйду.

Бык Маллиган глядел, насупясь, на бритву, покрытую мыльной пеной. Соскочив со своего возвышения, он торопливо стал рыться в карманах брюк.

— Драла! — пробормотал он сквозь зубы.

Вернувшись к площадке, он запустил руку в верхний карман Стивена и сказал:

— Позвольте одолжиться вашим сморкальником, вытереть нашу бритву.

Стивен покорно дал ему вытащить и развернуть напоказ, держа за угол, измятый и нечистый платок. Бык Маллиган аккуратно вытер лезвие. Вслед за этим, разглядывая платок, он объявил:

— Сморкальник барда. Новый оттенок в палитру ирландского стихотворца: сопливо-зеленый. Почти ощущаешь вкус, правда?

Он снова поднялся к парпету и бросил долгий взгляд на залив. Ветерок шевелил белокурую, под светлый дуб, шевелюру.

— Господи! — сказал он негромко. — Как верно названо море у Элджи: седая нежная мать! Сопливо-зеленое море. Яйцешемящее море. *Эпи ойнопа понтон*¹. Ах, эти греки, Дедал. Надо мне тебя обучить. Ты должен прочесть их в подлиннике. *Талатта! Талатта!*² Наша великая и нежная мать. Иди сюда и взгляни.

Стивен встал и подошел к парпету. Перегнувшись, он посмотрел вниз на воду и на почтовый пароход, выходящий из гавани Кингстауна.

— Наша могущественная мать, — произнес Бык Маллиган.

Внезапно он отвел взгляд от моря и большими пытливыми глазами посмотрел Стивену в лицо.

— Моя тетка считает, ты убил свою мать, — сказал он. — Поэтому она бы мне вообще запретила с тобой встречаться.

— Кто-то ее убил, — сумрачно бросил Стивен.

— Черт побери, Клинк, уж на колени ты бы мог стать, если умирающая мать просит, — сказал Бык Маллиган. — Я сам гипербореец не хуже тебя. Но это ж подумать только, мать с последним

¹ По винноцветному морю (*греч.*).

² Море! Море! (*греч.*).

вздохом умоляет стать на колени, помолиться за нее — и ты отка-
зываешься. Нет, что-то в тебе зловещее...

Оборвал себя и начал намывать другую щеку. Всепрощаю-
щая улыбка тронула его губы.

— Но бесподобный комедиант! — шепнул он тихонько. —
Клинк, бесподобнейший из комедиантов.

Он брился плавно и осмотрительно, в истовом молчании.

Стивен, поставив локоть на шершавый гранит, подперев лоб
ладонью, неподвижно смотрел на обтерханные края своего чер-
ного лоснистого рукава. Боль, что не была еще болью любви, сад-
нила сердце его. Во сне, безмолвно, она явилась ему после смерти,
ее иссохшее тело в темных погребальных одеждах окружал запах
воска и розового дерева, а дыхание, когда она с немым укором скло-
нилась над ним, веяло сыростью могильного тлена. Поверх вет-
хой манжеты он видел море, которое сытый голос превозносил
как великую и нежную мать. Кольцо залива и горизонта заполня-
ла тускло-зеленая влага. Белый фарфоровый сосуд у ее смертно-
го одра заполняла тягучая зеленая желчь, которую она с громки-
ми стонами извергала из своей гниющей печени в приступах му-
чительной рвоты.

Бык Маллиган заново обтер бритву.

— Эх, пес-бедолага! — с участием вздохнул он. — Надо бы вы-
дать тебе рубашку да хоть пару сморкальников. А как те штаны,
что купили с рук?

— Как будто впору, — отвечал Стивен.

Бык Маллиган атаковал ложбинку под нижней губой.

— Смех да и только, — произнес он довольно. — Верней будет,
с ног. Дознайся, какая там пьянь заразная таскала их. У меня есть
отличная пара, серые, в узкую полоску. Ты бы в них выглядел по-
трясающе. Нет, кроме шуток, Клинк. Ты очень недурно смотришь-
ся, когда прилично одет.

— Спасибо, — ответил Стивен. — Если они серые, я их не могу
носить.

— Он их не может носить, — сказал Бык Маллиган своему от-
ражению в зеркале. — Этикет значит этикет. Он мать родную убил,
но серые брюки ни за что не наденет.

Он сложил аккуратно бритву и легкими касаньями пальцев
ощупал гладкую кожу.

Стивен перевел взгляд с залива на жирное лицо с мутно-голу-
быми бегающими глазами.

— Этот малый, с кем я сидел в «Корабле» прошлый вечер, — сказал Бык Маллиган, — уверяет, у тебя п. п. с. Он в желтом доме работает у Конолли Нормана. Прогрессивный паралич со слабостью.

Он описал зеркальцем полукруг, повсюду просверкав эту весть солнечными лучами, уже сияющими над морем. Изогнутые бритые губы, кончики блестящих белых зубов смеялись. Смех овладел всем его сильным и ладным телом.

— На, полюбуйся-ка на себя, горе-бард! — сказал он.

Стивен наклонился и глянул в подставленное зеркало, расколотое кривой трещиной. Волосы дыбом. Так взор его и прочих видит меня. Кто мне выбрал это лицо? Эту паршивую шкуру пса-бедолаги? Оно тоже спрашивает меня.

— Я его стянул у служанки из комнаты, — поведал Бык Маллиган. — Ей в самый раз такое. Тетушка ради Мэйлахи всегда нанимает неказистых. Не введи его во искушение. И зовут-то Урсулой.

Снова залившись смехом, он убрал зеркальце из-под упорного взгляда Стивена.

— Ярость Калибана, не видящего в зеркале своего отражения, — изрек он. — Как жалко, Уайльд не дожил на тебя поглядеть!

Отступив и показывая на зеркало, Стивен с горечью произнес:

— Вот символ ирландского искусства. Треснувшее зеркало служанки.

Неожиданно и порывисто Бык Маллиган подхватил Стивена под руку и зашагал с ним вокруг башни, позвякивая бритвой и зеркальцем, засунутыми в карман.

— Грех тебя так дразнить, правда, Клинк? — сказал он дружески. — Видит Бог, в голове у тебя побольше, чем у них всех.

Еще выпад отбит. Скальпель художника страшит его, как меня докторский. Хладная сталь пера.

— Треснувшее зеркало служанки! Ты это скажи тому олуху из Оксфорда да вытяни из него гинею. Он весь провонял деньгами и считает, что ты не джентльмен. А у самого папаша набил мошну, сбывая негритосам слабительное, а может, еще на каких делишках. Эх, Клинк, если бы мы с тобой действовали сообща, уж мы бы кое-что сделали для нашего острова. Эллинизировали бы его.

Рука Крэнли. Его рука.

— И подумать только, ты вынужден побираться у этих свиней. Я один-единственный понимаю, что ты за человек. Почему ж ты

так мало мне доверяешь? Из-за чего все воротишь нос? Из-за Хейнса? Да пусть только пикнет, я притащу Сеймура, и мы ему закатим трепку еще похлеще, чем досталась Клайву Кемпторпу.

Крики юных богатеньких голосов в квартире Клайва Кемпторпа. Бледнолицые: держатся за бока от хохота, хватаются друг за друга, ох, умора! Обри, бережно весть эту ей передай! Сейчас помру! В изрезанной рубашке, вьющейся лентами по воздуху, в съехавших до полу штанах, он, спотыкаясь, скачет вокруг стола, а за ним — Эйдс из Магдалины с портновскими ножницами. Мордочка ошалелого теленка, позолоченная вареньем. Не надо, не сдирайте штаны! Не набрасывайтесь на меня, как бешеные!

Крики из распахнутого окна вспугивают вечер во дворе колледжа. Глухой садовник в фартуке, замаскированный лицом Мэтью Арнольда, продвигается по темному газону с косилкой, глядяваясь в танцующий рой травинок.

Нам самим... новое язычество... омфал¹.

— Ладно, пусть остается, — сказал Стивен. — Так-то он ничего, только по ночам.

— Тогда в чем же дело? — наседал Бык Маллиган. — Давай рожай. Я-то ведь напрямик с тобой. Что у тебя такое против меня?

Они остановились, глядя туда, где тупая оконечность мыса Брэй-Хед покоилась на воде, словно голова спящего кита. Стивен осторожно высвободил руку.

— Ты хочешь, чтобы я сказал тебе? — спросил он.

— Да, в чем там дело? — повторил Бык Маллиган. — Я ничего не припоминаю.

Говоря это, он в упор посмотрел на Стивена. Легкий ветерок пробежал по его лицу, вороша светлую спутанную шевелюру и зажигая в глазах серебряные искорки беспокойства.

Стивен, удручаясь собственным голосом, сказал:

— Ты помнишь, как я пришел к тебе домой в первый раз после смерти матери?

Бык Маллиган, мгновенно нахмурившись, произнес:

— Что-что? Где? Убей, не могу припомнить. Я запоминаю только идеи и ощущения. Ну и что? Чего там стряслось, Бога ради?

— Ты готовил чай, — продолжал Стивен, — а я пошел на кухню за кипятком. Из комнат вышла твоя мать и с ней кто-то из гостей. Она спросила, кто у тебя.

¹ Пуц; пуц земли (*греч.*).

— Ну? — не отступал Бык Маллиган. — А я что сказал? Я уже все забыл.

— А ты сказал, — ответил Стивен ему, — «Да так, просто Дедал, у которого мамаша подохла».

Бык Маллиган покраснел и стал казаться от этого моложе и привлекательней.

— Я так сказал? — переспросил он. — И что же? Что тут такого? Нервным движением он стряхнул свое замешательство.

— А что, по-твоему, смерть, — спросил он, — твоей матери, или твоя, или, положим, моя? Ты видел только, как умирает твоя мать. А я каждый день вижу, как они отдают концы и в Ричмонде, и в Скорбящей, да после их крошат на потроха в анатомичке. Это и называется подох, ничего больше. И не о чем говорить. Ты вот не соизволил стать на колени и помолиться за свою мать, когда она просила тебя на смертном одре. А почему? Да потому, что в тебе эта проклятая иезуитская закваска, только она проявляется наоборот. По мне, тут одна падаль и пустая комедия. Ее лобные доли уже не действуют. Она называет доктора «сэр Питер Тизл» и хочет нарвать лютиков с одеяла. Уж не перечь ей, вот-вот все кончится. Ты сам не исполнил ее предсмертную просьбу, а теперь дуешься на меня, что я не скулил, как наемный плакальщик от Лалуэтта. Абсурд! Допустим, я и сказал так. Но я вовсе не хотел оскорбить память твоей матери.

Его речь вернула ему самоуверенность. Стивен, скрывая зияющие раны, оставленные словами в его сердце, как можно суше сказал:

— Я и не говорю, что это оскорбляет мою мать.

— Так что же тогда? — спросил Бык Маллиган.

— Это оскорбляет меня, — был ответ.

Бык Маллиган круто повернулся на каблуках.

— Нет, невозможный субъект! — воскликнул он.

И пошел прочь быстрым шагом вдоль парапета. Стивен остался на месте, недвижно глядя на мыс и на спокойную гладь залива. Море и мыс сейчас подернулись дымкой. В висках стучала кровь, застилая взор, и он чувствовал, как лихорадочно горят его щеки.

Громкий голос позвал снизу, из башни:

— Маллиган, вы где, наверху?

— Сейчас иду, — откликнулся Бык Маллиган.

Он обернулся к Стивену и сказал:

— Взгляни на море. Что ему до всех оскорблений? Бросай-ка лучше Лойолу, Клинк, и двигаем вниз. Наш сакс поджидает уже свой бекон.

Голова его задержалась на миг над лестницей, вровень с крышей.

— И не хандри из-за этого целый день. У меня же семь пятниц на неделе. Оставь скорбные думы.

Голова скрылась, но мерный голос продолжал, опускаясь, доноситься из лестничного проема:

Не прячь глаза и не скорби
Над горькой тайною любви,
Там Фергус правит в полный рост,
Владыка медных колесниц.

В мирном спокойствии утра тени лесов неслышно проплывали от лестничного проема к морю, туда, куда он глядел. У берега и мористой водная гладь белела следами стремительных легких стоп. Морской волны белеет грудь. Попарные сплетения ударений. Рука, перебирающая струны арфы, рождает сплетения аккордов. Слитносплетенных словес словно волн белогрудых мерцанье.

Облако медленно наползает на солнце, и гуще делается в тени зеленя залива. Он был за спиной у него, сосуд горьких вод. Песня Фергуса. Я пел ее, оставшись дома один, приглушая долгие сумрачные аккорды. Дверь к ней была открыта: она хотела слышать меня. Безмолвно, с жалостью и благоговением, я приблизился к ее ложу. Она плакала на своем убогом одре. Над этими словами, Стивен: над горькой тайною любви.

Где же теперь?

Ее секреты в запертом ящичке: старые веера из перьев, бальные книжечки с бахромой, пропитанные мускусом, убор из янтарных бус. Когда она была девочкой, у ее окошка висела на солнце клетка с птицей. Она видела старика Ройса в представлении «Свирепый турка» и вместе со всеми смеялась, когда он распевал:

Открою вам,
Что рад бы сам
Я невидимкой стать.

Мимолетные радости, заботливо сложенные, надушенные мускусом.

Не прячь глаза и не скорби.

Сложены в памяти природы, вместе с ее детскими игрушками. Скорбные воспоминания осаждают его разум. Стакан воды из крана на кухне, когда она собиралась к причастию. Яблоко с сахаром внутри, испеченное для нее на плите в темный осенний вечер. Ее изящные ногти, окрашенные кровью вшей с детских рубашонок.

Во сне, безмолвно, она явилась ему, ее иссохшее тело в темных погребальных одеждах окружал запах воска и розового дерева, ее дыхание, когда она склонилась над ним с неслышными тайными словами, веяло сыростью могильного тлена.

Ее стекленеющие глаза уставились из глубин смерти, поколебать и сломить мою душу. На меня одного. Призрачная свеча освещает ее агонию. Призрачные блики на искаженном мукой лице. Громко раздается ее дыхание, хрипкое, прерывающееся от ужаса, и, став на колени, все молятся. Взгляд ее на мне, повергнуть меня. *Liliata rutilantium te confessorum turma circumdet: iubilantium te virginum chorus excipiat*¹.

Упырь! Трупоед!

Нет, мать. Отпусти меня. Дай мне жить.

— Эгей, Клинк!

Голос Быка Маллигана раздался певуче в глубине башни, приблизился, долетев от лестницы, позвал снова. Стивен, еще содрогаясь от вопля своей души, услышал теплый, щедрый солнечный свет и в воздухе за своей спиной дружеские слова.

— Будь пайнькой, спускайся, Дедал. Завтрак готов. Хейнс извиняется за то, что мешал нам спать. Все улажено.

— Иду, — сказал Стивен оборачиваясь.

— Давай, Христа ради, — говорил Маллиган. — И ради меня, и ради всеобщего блага.

Его голова нырнула и вынырнула.

— Я ему передал про твой символ ирландского искусства. Говорит, очень остроумно. Вытяни из него фунт, идет? То бишь гинею.

— Мне заплатят сегодня, — сказал Стивен.

— В школьной шарашке? — осведомился Маллиган. — А сколько? Четыре фунта? Одолжи нам один.

— Как угодно, — отвечал Стивен.

---

¹ Да окружит тебя лилиями венчанный сонм сияющих исповедников веры, и хор ликующих дев да возрадуется тебе (*лат.*; из католической молитвы за умирающих).